

A romantic scene between a warrior and a woman in a cave. The warrior, with dark hair and a beard, is lying down, wearing ornate metal armor and a fur cloak. He has a bandage on his right arm. The woman, with long blonde hair in a braid, is leaning over him, wearing a white blouse. They are about to kiss. A single candle in a holder provides light in the background.

ОЛЛИ ЭШ

Возрождение
Керчи

18+

Олли Эш

Возрождение Керчи

<https://litres.ru/74200069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё. Дом, семью, даже право на слезы — ханский сын Рейган сжёг её деревню и увёл в рабство. Но Эния не сломалась. Даже когда над ней нависла угроза неминуемой смерти, она сумела выжить и бежать. Вот только спасение пришло оттуда, откуда не ждали: от тихого брата своего мучителя — Варена.

Он — изгой в собственном роду. Сын жестокого хана Тариша, брат убийцы, человек, которого все считают слабым. Но именно Варен рискует жизнью, чтобы вытащить Энию из ада. Между ними вспыхивает чувство, невозможное для врагов. Однако прошлое не отпускает: хан идёт на Гревень с огромным войском, требуя выдать беглецов. Единственный шанс спасти город — вызвать Тариша на честный бой.

Это история о том, как из пепла рождается жизнь, а из ненависти — всепрощающая любовь. О выборе, который делает человека сильнее, и о мире, который стоит защищать любой ценой.

Содержание

Глава 1. Решение	4
Глава 2. Первые шаги	8
Глава 3. Прикосновения	15
Глава 4. Возвращение силы	22
Глава 5. Правда и горечь	25
Глава 6. Откровение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олли Эш

Возрождение Керчи

Глава 1. Решение

В кабинете градоначальника было душно.

Тяжёлые шторы на окнах не пропускали свет, только несколько свечей горели на столе, выхватывая из полумрака лица собравшихся. Здесь были только самые близкие советники — те, кому Бирей доверял.

Сам Бирей сидел во главе стола, перед ним лежало письмо хана. Тот самый лист с одним-единственным иероглифом, который Эния принесла вчера.

Она сидела на стуле в стороне, бледная, с тёмными кругами под глазами. Не спала всю ночь. Перед ней стоял стакан воды, который Мариша поставила, но Эния даже не притронулась к нему.

— Смерть в огне, — тихо сказала она. — Он сказал, у нас есть две недели. Хан соберёт ещё воинов и нападёт сам.

Эния опустила голову.

Бирей устало потёр переносицу. Под глазами у него тоже залегли тени — старый воин не спал, обдумывая планы, которые рушились один за другим.

— Мы должны увести женщин и детей, — сказал он. —

Это первое. Эвакуация начнётся сегодня же.

Он помолчал, потом спросил:

— А Варен? Что с ним? Он всё ещё решил умереть?

Эния всхлипнула. Слёзы подступили к глазам, но она сдержала их.

— Он не будет сидеть за решёткой. Для него лучше смерть, чем плен. Он... он ничего не ест и почти не пьёт. Третий день.

— Но он дал тебе информацию о письме, — заметил один из советников. — Значит, ему небезразлична твоя судьба. Он хочет, чтобы ты ушла.

Девушка покачала головой.

— Я никуда не уйду.

Бирей посмотрел на Маришу. Та стояла у стены, сложив руки на груди, и молчала.

— Мариша?

— Я должна защитить Лику, — тихо ответила женщина.

— Девочка не виновата в том, что происходит. Я отведу её подальше от этой бойни.

Бирей кивнул. Это было правильно.

— Эния, — он снова повернулся к девушке. — Тебе лучше уйти с ними.

— Нет.

Она подняла голову, и в глазах её горела такая решимость, что Бирей понял — спорить бесполезно.

— Я буду до конца.

Она думала о Варене. О его лице, когда он смотрел на палец Ники. О его слезах. О том, как он медленно умирает в этой клетке, потому что потерял всё.

— Бирей, — Эния подалась вперёд, глядя на градоначальника с мольбой. — Разреши мне забрать его к себе в комнату.

Бирей нахмурился.

— Что?

— Без воды и еды он умрёт. Если Мариша выходит его... если я поговорю с ним ещё раз... может, он согласится помочь нам. Возможно, он знает способ победить войско отца. Или поговорит с Адешем.

— С Адешем?

— Старик был добр с ним. Видно, что он привязан к Варену. Если Варен попросит — Адеш может перейти на нашу сторону. Или хотя бы не вмешиваться.

Бирей внимательно смотрел на Энию. Оценивал. Взвешивал.

— А если он сбежит?

— Выстави стражу у двери, — Эния говорила твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Если он сбежит, пусть они убьют его. Хуже уже не будет.

Тишина повисла в комнате.

Бирей думал долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Он повернулся к одному из советников:

— Отдай распоряжение. Снимите с пленника кандалы и перенесите его в комнату к Энии.

Потом перевёл взгляд на Маришу.

— Ты поможешь ему?

Мариша помолчала. Потом ответила:

— Он спас Энию. — Она помолчала, глотнула воздух. — И нас с Ликой. Если бы не он, девочка бы не выжила в том аду.

Она посмотрела на Энию, потом на Бирея.

— Если он согласится помочь, у нас будет крошечный шанс. Не только у Гревеня. У всего народа.

Бирей кивнул.

— Тогда сделай всё, что можешь, для него.

Эния закрыла глаза и выдохнула.

Маленький шанс. Крошечный. Но другого у них не было.

Глава 2. Первые шаги

Сознание возвращалось медленно, сквозь тяжёлую пелену, которая последние дни была единственным его пристанищем.

Первое, что почувствовал Варен — свет.

Яркий, режущий глаза, льющийся откуда-то сбоку. Такого не могло быть в тёмной клетке, где он провёл последние дни, сворачиваясь клубком и пытаясь не думать о том, что осталось за её пределами.

Он попытался пошевелиться.

Руки были свободны. Он поднял их перед лицом, не веря собственным ощущениям — никаких цепей, никаких кандалов, только бледная кожа да синяки, оставшиеся после драки с братом.

Ноги тоже были свободны.

Он лежал на кровати. Настоящей, мягкой, с периной и подушкой под головой.

Неужели всё? — мелькнула мысль. Неужели это смерть?

Но ломота в теле, сухость во рту и спазмы голода, скручивающие желудок, напоминали: ты жив. Почему-то ты всё ещё жив.

Варен с трудом приподнялся на локтях и осмотрелся.

Комната была небольшой, но уютной. Окно было затянуто лёгкой занавеской из небелёного полотна. Она чуть колыха-

лась от сквозняка, и солнечные лучи просачивались сквозь ткань, разливая по комнате мягкий, золотистый свет.

Стены были сложены из тёсаного соснового бруса, потемневшего от времени, но тщательно выскобленного и даже местами покрытого тонкой резьбой — незатейливыми узорами из колосьев и цветов. В углу, у двери, примостился тяжёлый дубовый сундук, окованный медными полосами; на его крышке лежала стопка чистого белья, источающая тонкий запах сухих трав — лаванды и полыни, отгоняющих моль. Рядом с сундуком, на гвозде, вбитом в стену, висело расшитое полотенце с петухами — приданое, приготовленное для кого-то из женщин этого дома. Под окном стоял грубый, но добротный стол, застеленный льняной скатертью с кисточками по краям; на столе — глиняная миска с яблоками, покрытыми восковым налётом, и берестяной туесок, полный мёда. От окна тянуло утренней свежестью, и лёгкая занавеска из небелёного полотна вздувалась пузырьём, когда ветерок залетал в щель. На подоконнике, в глиняном горшке, цвёл душистый табак — его розовые звёздочки раскрывались навстречу солнцу, наполняя комнату тонким, чуть пряным ароматом. Пол был застлан домоткаными половиками — узкими дорожками из разноцветных лоскутов, которые смягчали шаги и придавали жилью особый уют.

Впервые за долгое время Варен видел не войлок шатра, не серые стены клетки, а настоящий дом.

Он повернул голову.

Эния стояла у стола.

Она переминалась с ноги на ногу, теребя край передника, и не решалась подойти. На столе перед ней стояла миска — простая, глиняная, с едва заметным парком. Рядом — ломоть хлеба и кружка с водой.

Заметив, что он смотрит, Эния вздрогнула. Помедлила мгновение, потом взяла миску в руки и решительно шагнула к кровати.

— Ты больше не пленник, — сказала она тихо, но твёрдо.
— Поешь.

Она протянула ему миску.

Варен посмотрел на еду. Запах бульона щекотал ноздри, желудок свело очередным спазмом — есть хотелось так, что кружилась голова. Глупо было отказываться. Бессмысленно.

Он отвернулся к стене.

— Уйди.

Она не ушла.

— Варен...

— Уйди, — повторил он глухо. — Я не буду есть.

— Но почему? — в голосе её звучало отчаяние. — Ты же умираешь от голода!

Он молчал.

Он и сам не мог бы объяснить. Есть хотелось невыносимо, каждое движение отзывалось слабостью, в глазах темнело, если резко повернуть голову. Но мысль о том, чтобы принять пищу из её рук, была невыносимее голода.

Потому что он знал: если он сейчас поест, если позволит ей заботиться о себе — он снова станет для неё инструментом. Она будет добра, будет ласкова, будет выхаживать его — а потом попросит то, ради чего всё это затеяно.

Он не хотел снова быть использованным.

Он вообще ничего не хотел.

Эния опустила на колени рядом с кроватью. Поставила миску на пол и осторожно коснулась его плеча.

— Варен, прошу тебя.

Он дёрнулся, но не отстранился. Силы были не те.

— Ты был добр ко мне, когда я была в плену, — тихо говорила она. — Ты защитил меня от брата. Ты спрятал Лику. Ты... ты не дал мне умереть. Позволь мне теперь позаботиться о тебе.

Он молчал, глядя в стену.

— Я же ничего от тебя не прошу, — добавила она. — Только поешь.

— Скоро попросишь, — ответил он хрипло. Голос сорвался, пришлось откашляться. — Ты всегда просишь. И я всегда даю. Больше не дам.

Эния замерла.

Она поняла. Он видел это по тому, как дрогнули её плечи, как она опустила голову, пряча лицо.

— Тогда и поговорим, — сказала она наконец. В голосе её появилась та самая стальная нотка, которую он уже знал. — А сейчас поешь.

— Лучше бы ты позволила мне умереть быстро, — сказал он, не оборачиваясь. — Как брату. Это было бы милосердно, Эния.

Она резко вскинула голову.

— Я не хотела его смерти!

Он обернулся.

Посмотрел на неё в упор. На её бледное лицо, на круги под глазами, на побелевшие от напряжения губы. И спросил тихо, но веско:

— Правда?

Эния встретила его взгляд. В её глазах плескалась такая буря, что у него на мгновение перехватило дыхание.

— Хотела, — прошептала она.

Слова упали в тишину, как камни в воду.

Она не отвела взгляда. Не попыталась соврать, смягчить, оправдаться. Просто сказала правду. И в этой правде не было торжества — только боль.

Варен смотрел на неё и видел всё. Её ненависть к Рейгану — настоящую, выжженную калёным железом. Её вину — такую же огромную, как сама смерть. Её отчаяние. Её страх.

Она не лгала ему сейчас. Ни о чём.

— Твоей смерти я не хочу, — тихо сказала она.

— Почему? — спросил он искренне.

Он действительно не понимал. Он был врагом. Он был частью того, что разрушило её жизнь. Он держал её в плену. Почему она не хочет, чтобы он умер?

— Ты не такой, как он, — ответила Эния просто. — Как все они.

— Ты заблуждаешься, — сказал он.

— Прошу тебя, поешь.

И по её щеке покатилась слеза.

Варен закрыл глаза.

Он не умел быть жестоким к другим. Никогда не умел. Сколько ни пытался — не получалось. Рейган смеялся над ним, называл слабым, говорил, что из него не выйдет настоящего воина. Отец смотрел с холодным презрением.

А он просто не мог. Не мог смотреть на чужую боль и не чувствовать ничего.

Особенно на её боль.

Он приподнялся на локтях. Руки дрожали от слабости, каждое движение давалось с трудом. Он сел, опираясь спиной о стену, и протянул руки к миске.

Эния поставила ему на колени миску с бульоном, сунула в руки ложку.

Он ел.

Медленно, с трудом проглатывая каждый глоток. Бульон был тёплым, наваристым, с кусочками мяса и зеленью. Желудок сначала протестовал, но потом сдался, принимая пищу.

Эния сидела рядом на полу, обхватив колени руками, и смотрела на него.

Когда миска опустела, он отдал её Энии и обессиленно

откинулся на подушку.

— Пока нельзя больше, — сказала она, ставя миску на стол. — Через несколько часов я принесу ещё. Если можешь, спи.

Он кивнул. Глаза уже слипались, тело наливалось привычной тяжестью.

— Я хочу помыться, — сказал он вдруг.

Эния замерла. Посмотрела на него, на его грязную одежду, на спутанные волосы, на въевшуюся в кожу пыль и кровь.

— Хорошо, — сказала она после паузы. — Мне нужно найти тебе чистую одежду. Я скоро вернусь.

Она поднялась, поправила платье и выскользнула за дверь.

Варен остался один.

Он лежал, глядя в потолок, и думал о том, что только что произошло. Она не просила ничего. Не требовала. Не ставила условий. Просто кормила его и обещала принести одежду.

Зачем?

Он не знал ответа.

Но впервые за долгое время в груди шевельнулось что-то тёплое. Слабое, почти незаметное. Похожее на надежду.

Он закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 3. Прикосновения

Следующее пробуждение пришло, когда солнце уже клонилось к закату.

Свет в комнате изменился — золотистый, медовый, он лился сквозь льняные занавески, окрашивая всё вокруг в тёплые, успокаивающие тона. Варен открыл глаза и некоторое время просто лежал, прислушиваясь к себе.

Скудный обед и сон в нормальных условиях сделали своё дело. Тело всё ещё ныло, но слабость уже не была той всепоглощающей, липкой дряблостью, что сковала его утром. В голове прояснилось, мысли текли медленно, но хотя бы не разбивались о ватную пустоту.

Он всё ещё не понимал, что ему делать дальше.

Жить без цели было для него невозможным. Отец воспитал в нём воина — человека, который всегда знает, зачем он берёт в руки меч и куда идёт. А сейчас меча не было, цели не было, и даже желания не было — только тупая боль потери и пустота там, где раньше жила хоть какая-то надежда.

Но отказываться от еды было глупо. Это он понял окончательно.

Значит, нужно набираться сил. А потом — принимать решение. Какое — он пока не знал.

Варен повернул голову.

Эния сидела на стуле у стола. В руках она держала ка-

кое-то шитьё, но не работала — просто смотрела на него, положив подбородок на ладонь. Увидев, что он открыл глаза, она встрепенулась, отложила шитьё и подошла к кровати.

В руках у неё снова была миска.

— Мариша сказала, бульон лучше всего для тебя, — тихо сказала Эния. — Поешь?

Она смотрела на него с надеждой. Такой открытой, такой искренней, что у Варена кольнуло в груди.

— Поем, — сказал он коротко и забрал миску.

Он ел медленно, чувствуя, как тепло разливается по телу, возвращая силы. Бульон был наваристым, с мелко накрошенным мясом и зеленью. Хороший бульон. Мариша знала своё дело.

Эния стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу. Варен покосился на неё. В углу комнаты, на стуле, аккуратной стопкой лежала чистая одежда — льняная рубашка, тёмные штаны, даже портянки.

— Чего стоишь? — спросил он, отрываясь от еды. — Сядь.

Она не стала спорить. Принесла стул, поставила рядом с кроватью, села, положив чистые вещи себе на колени.

— Я принесла одежду, — сказала она, поглаживая льняную ткань. — Там, за дверью, купальня. Поешь — и пойдём. Я помогу тебе.

— Сам справлюсь, — буркнул он, возвращаясь к бульону.

Эния ничего не ответила. Только посмотрела на него с

тем особенным выражением, которое он уже начал узнавать: «посмотрим, как у тебя получится».

Варен доел, отдал ей пустую миску и решительно поднялся.

И чуть не упал.

Тело качнулось, ноги подкосились, в глазах потемнело. Он тяжело опустился обратно на кровать, схватившись за край, и выругался сквозь зубы.

Отсутствие еды и движения дали о себе знать. Три дня почти без воды, без пищи — мышцы потеряли тонус, силы ушли, и даже просто стоять ровно стало проблемой.

Он мрачно посмотрел на Энию.

Ужасно хотелось отмыться. Смыть с себя пыль, грязь, кровь, запах клетки и собственного разложения. Но дойти до купальни сейчас было тем ещё испытанием.

Эния поняла всё без слов.

Она вскочила, метнулась к двери и через минуту вернулась с большим деревянным тазом. Поставила его посреди комнаты, сбегала ещё раз — принесла два ведра тёплой воды, вылила в таз. Потом ещё одно ведро, холодное, чтобы разбавить. Рядом положила чистое полотенце и мочалку.

Убрала одежду со стула, отставила стул в сторону и посмотрела на Варена.

— Сможешь сесть сюда? — она показала на табурет рядом с тазом.

Варен стиснул зубы, приподнялся и, держась за стену, пе-

ребрался на табурет. Голова предательски кружилась, перед глазами плыли цветные пятна, но он справился. Сел, упёрся ладонями в колени и перевёл дыхание.

Эния подошла ближе.

Осторожно, почти невесомо, она коснулась его плеча, потом взялась за край рубашки. Ткань прилипла к телу — засохшая кровь, грязь, пот сделали своё дело.

— Я помогу, — тихо сказала она и начала стягивать рубашку.

Варен позволил.

Она действовала аккуратно, то и дело смачивая ткань водой, чтобы не причинять боли. Медленно, сантиметр за сантиметром, рубашка сползала с его тела, открывая взгляду бледную кожу, синяки, ссадины, шрамы.

Эния молчала. Только когда показался особенно большой синяк на ребрах, она чуть слышно вздохнула, но ничего не сказала.

Потом взяла тряпицу, намочила в тёплой воде и начала обтирать его.

Варен сидел неподвижно, глядя прямо перед собой.

Её прикосновения были лёгкими, почти невесомыми. Она водила влажной тканью по его плечам, по груди, по спине, осторожно обходя самые болезненные места. Вода была тёплой, приятной, смывала грязь и усталость.

В какой-то момент он поймал себя на том, что ему... хорошо.

Не больно, не неловко, не унизительно — а именно хорошо. Её забота, её осторожные касания, её близость — всё это вдруг сложилось в ощущение, от которого хотелось закрыть глаза и просто быть.

Он тут же одёрнул себя.

«Не обманывайся», — приказал он себе жёстко. — «Она предала тебя. Она использует тебя. Она смотрит на тебя и видит только инструмент».

Челюсти сжались, спина напряглась.

— Я делаю тебе больно? — спросила Эния, заметив его напряжение.

— Нет, — отрезал он. — Давай быстрее закончим это.

Она подумала, что ему тяжело сидеть на жёстком табурете, и стала действовать быстрее. Сбегала за свежей водой, промыла тело ещё раз. Потом, придерживая его голову, начала смывать пыль с волос.

Вода стекала по спине, по груди, капала на пол. Эния не обращала внимания — сосредоточенно поливала, промывала, убирала грязь.

Потом принесла душистое мыло.

Оно пахло травами — мягко, свежо, совсем не так, как грубое солдатское мыло в лагере. Эния намылила руки и принялась мыть ему голову.

Её пальцы погрузились в его волосы, массируя кожу, распределяя мыльную пену.

Варен закрыл глаза.

Это было невозможно, немыслимо, неправильно — но ему хотелось замурлыкать, как довольному коту. Её нежные пальцы творили что-то невероятное, расслабляя, успокаивая, даря такое забытое ощущение заботы, что он готов был сдаться.

«Да что же это такое?»

Варен был в ярости на себя. На свои реакции. На то, как его тело отзывается на эту женщину, которая его предала. На то, что он не может просто взять и закрыться, стать камнем, как учил отец.

Он ощущал себя безвольным идиотом. Щенком, который тянется к руке, даже если эта рука его била.

Но отвечать грубостью на заботу он не мог. Никогда не мог.

Поэтому он просто сидел, сжав челюсти так, что скулы побелели, и собирал всю свою волю в кулак. Чтобы достойно вытерпеть эту приятную пытку. Чтобы не показать, как сильно ему это нужно. Чтобы не дать ей ещё одной власти над собой.

Эния закончила с волосами, смыла пену чистой водой и промокнула их полотенцем.

— Готово, — сказала она тихо. — Сейчас принесу чистую одежду.

Она поднялась и отошла к стулу, где лежала стопка белья. Варен выдохнул.

В голове было пусто и чисто, как после долгого дождя. Те-

ло приятно ныло, расслабленное тёплой водой и её заботой.

Он посмотрел на неё — на то, как она разворачивает рубаху, как поправляет край, как осторожно, боязливо приближается к нему с одеждой в руках.

И вдруг понял, что не знает, что делать с этим чувством.

С этой благодарностью, которая разъедает ненависть. С этим теплом, которое не должно существовать между врагами.

Он взял рубаху из её рук и молча начал одеваться.

Глава 4. Возвращение силы

Варен сидел на кровати и прислушивался к себе.

Тело постепенно оживало. Тёплая вода, еда, сон — всё это делало своё дело, возвращая его из того серого небытия, в котором он провёл последние дни. Но он знал: скоро его настигнут естественные потребности организма. И мысль о том, чтобы ползти в купальню, опираясь на Энию, как беспомощный старик, была невыносима.

Он начал разминаться.

Сначала сидя — повороты головы, вращение плечами, осторожные наклоны. Затёкшие мышцы протестующе ныли, но он заставлял их работать. Потом, ухватившись за край кровати, медленно поднялся.

Голова качнулась, перед глазами поплыли цветные пятна. Варен замер, вцепившись в деревянную опору, и переждал дурноту.

Тело начинало слушаться.

Мышцы, наработанные годами изнурительных тренировок и походов, помнили, что значит двигаться. Кровь побежала быстрее, разгоняя скованность, возвращая тепло в затёкшие конечности. Он сделал несколько неуверенных шагов — от кровати к стене, от стены обратно. Потом сел, переводя дыхание.

Голова кружилась, но было терпимо.

— Принеси мне воды, — попросил он. — Пожалуйста.

Эния метнулась к кувшину, налила полную кружку и поднесла ему. Варен сделал несколько жадных глотков, чувствуя, как живительная влага растекается по телу.

Посидел немного, собираясь с силами. И снова встал.

Он ходил по комнате — от кровати к столу, от стола к окну, от окна к двери. Шаги становились увереннее, дыхание выравнивалось. Эния стояла в стороне, не мешая, только следила за ним внимательными глазами — на случай, если упадёт.

Он не упал.

Сделал несколько подходов, пока не почувствовал, что силы снова покидают его. Тогда лёг на кровать и почти сразу провалился в сон — глубокий, без сновидений.

Следующее пробуждение было в полной темноте.

За окном не горело ни огонька, луна, видимо, спряталась за тучи. Варен сел на кровати, прислушиваясь к себе. Тело отдохнуло, сил прибавилось. Теперь нужно было сделать то, ради чего он затеял все эти упражнения.

В углу зашевелилась Эния — она не ушла, спала здесь же, на сундуке, подстелив какой-то тулуп. Услышав, что он сел, она мгновенно проснулась, подошла к нему.

— Давай помогу, — тихо сказала она, протягивая руку.

— Нет, — ответил он твёрдо. — Справлюсь.

Он встал.

Голова качнулась, но он устоял. Сделал шаг, другой, третий. Тело слушалось, хотя каждое движение давалось с трудом. Он шёл медленно, осторожно переставляя ноги, и с облегчением положил руку на дверной косяк, когда добрался до выхода.

Опора была необходима. Он ненавидел себя за эту слабость, но признавал: без неё не справиться.

Небольшая передышка — и он шагнул в купальню.

Справился.

Всё получилось. Он сделал это сам.

Варен вернулся в комнату, чувствуя глухое, почти забытое удовлетворение. Он опустился на кровать, перевёл дыхание и посмотрел на Энию.

Она стояла у стола, не решаясь подойти, и смотрела на него с каким-то новым выражением. Не жалость — уважение?

— Ты сильный, — тихо сказала она.

Варен хмыкнул, но промолчал.

Он лёг на спину, глядя в темноту потолка, и позволил себе маленькую, тайную гордость.

Сегодня он победил свою немощь. Сделал первый шаг.

Значит, завтра сможет сделать следующий.

Глава 5. Правда и горечь

На следующее утро Эния принесла завтрак.

Каша, парящая лёгким дымком, ломоть свежего хлеба с хрустящей корочкой и знакомый травяной чай, от которого по комнате разливался терпковатый, чуть горьковатый аромат.

Варен уже привык к этому вкусу. За несколько дней, проведённых здесь, он успел распробовать все оттенки — полынной горечи, мятной свежести, чего-то ещё, неуловимого, что Мариша добавляла в каждую чашку.

Но сегодня он всё же спросил:

— У вас принято пить чай с ужасным вкусом?

Эния улыбнулась.

Впервые за долгое время — легко, почти беззаботно. Эта улыбка тронула уголки её губ, разгладила морщинку между бровей, и Варен поймал себя на том, что смотрит на неё дольше, чем следовало бы.

— Это Мариша, — сказала она, ставя поднос на стол. — Добавляет тебе целебные травы. Чтобы быстрее поправлялся.

Варен хмыкнул, принимаясь за кашу.

Нужно признаться, он чувствовал себя намного лучше. Не готовым прямо сейчас рваться в бой — до этого было ещё далеко. Но и не тем немощным, разбитым человеком, кото-

рый несколько дней назад не мог самостоятельно дойти до купальни.

Голова начинала работать. Мысли текли ровно, без липкой утренней мути. Тело требовало движения — потянуться, размяться, нагрузить мышцы, которые скучали без привычной работы.

А значит, дальше ждать было уже некуда.

Нужно было поговорить.

Варен доел завтрак, поднялся и сам отнёс посуду на столик у двери. Движения всё ещё были осторожными, но уже уверенными. Потом вернулся, сел на кровать и посмотрел на Энию в упор.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он прямо.

Она вздрогнула.

Привыкла к его прямолинейности — за те дни, что они провели вместе в шатре, за эти несколько дней в комнате. Но каждый раз оказывалась не готовой к этому внезапному, безжалостному переходу от тишины к сути.

Однако совместное проживание научило её одному: хочешь чего-то получить от этого мужчины — говори правду. Только правду. И ничего, кроме неё.

— Помощи, — сказала Эния тихо, но твёрдо.

Она помолчала, собираясь с мыслями, и добавила:

— Я останусь здесь до конца. Что бы ни случилось.

Варен смотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ну и зря, — сказал он наконец. Голос его звучал ров-

но, без эмоций, но от этого становилось только страшнее. — Если отец доберётся до тебя живой... я даже не знаю, какая участь тебя ждёт. Лично я бы предпочёл умереть раньше, чем он доберётся до меня.

Эния замерла.

Она знала, что хан жесток. Знала по рассказам Мариши, по обрывкам разговоров в лагере, по тому, как сам Варен говорил о нём. Но сейчас, глядя в его глаза, она вдруг поняла: Рейган был всего лишь бледной тенью своего отца. Щенком, который только учился у матёрого волка.

Если Рейган внушал ужас — хан внушал ледяной, животный страх.

— Я не хочу бежать, — сказала Эния, и голос её дрогнул, но она заставила себя договорить. — Мне уже нечего терять.

— Ты умеешь сражаться? — Варен говорил спокойно, будто обсуждал погоду. — У тебя есть какие-то знания, которые помогут в ведении войны?

Эния опустила голову.

— Нет, — сказала она обречённо. — Я надеялась...

— Что ты прольёшь слёзы передо мной, и я совершу чудо? — перебил он. — Смогу победить армию, которая превосходит нас численно, подготовкой, вооружением?

Он подался вперёд, и в голосе его впервые зазвучала горечь:

— Я не смогу сделать этого, даже если бы захотел.

— Но ты даже не хочешь, — тихо сказала Эния.

— Нет.

Тишина повисла между ними, густая, как смола.

Эния смотрела на него и не понимала. Как можно быть таким? Как можно знать, что смерти не избежать, и даже не попытаться что-то изменить?

— Ты же против крови, — заговорила она снова, и голос её набирал силу. — Против этих войн. Ты мог бы пойти против хана.

Варен поднял на неё глаза.

— И что дальше?

— Стать самому правителем. — Эния говорила горячо, подавшись вперёд. — Поменять жизнь людей. Наладить новые отношения с соседями. Остановить эту бесконечную бойню.

Он смотрел на неё долго. Очень долго. Потом сказал — ровно, холодно, отстранённо:

— Мне нет дела до чужих проблем.

Что-то в Энии оборвалось.

Она взвилась, вскочила на ноги, и прежде чем успела подумать, кулачок врезался ему в плечо. Удар был жалким, смешным для воина — но в нём было столько отчаяния, сколько не вместила бы целая армия.

— Ты считаешь себя сильным воином! — закричала она, и слёзы брызнули из глаз. — Ты не хочешь крови и смертей! Но посмотри, кем ты стал! Слабаком, который готов умереть!

Он поймал её руку.

Мгновенно, жёстко, как ловят упавший нож. Пальцы сомкнулись на её запястье, и она замерла, глядя ему в глаза.

— Да, — сказал он тихо. — Всё верно.

И отпустил.

Энию затрясло.

Она стояла посреди комнаты, сжимая кулаки, и дрожала — от злости, от бессилия, от отчаяния. А он сидел на кровати и смотрел на неё — спокойно, почти равнодушно.

— Но ты можешь биться до конца, — сказал он вдруг.

Она замерла.

— Я вижу в тебе решимость, — продолжил он, и голос его чуть смягчился. — И больше не буду тебя отговаривать.

Он отвернулся к стене.

Эния стояла, не в силах пошевелиться.

Всё, что она хотела сказать, застряло в горле горьким комом. Слова, которые он только что произнёс, должны были звучать как поддержка. Но почему-то ранили сильнее любого удара.

Она выбежала из комнаты.

Дверь хлопнула так, что, наверное, было слышно во всём доме.

Варен остался один.

Он сидел, глядя в стену, и думал о том, что только что произошло. Она ударила его. Впервые за всё время — ударила. Не пощёчину, не в порыве страха, а по-настоящему,

вкладывая всю свою боль.

И это было... честно.

Он провёл рукой по лицу, стирая невидимую усталость.

Она придёт в себя. Обязательно придёт. Такие, как она, не сдаются.

Глава 6. Откровение

Эния прибежала к Марише, не разбирая дороги.

Слёзы застилали глаза, в груди клокотала злость — такая дикая, что хотелось кричать. Она влетела в маленькую комнату, которую Мариша делила с Ликой, и рухнула на лавку, закрыв лицо руками.

— Что случилось? — Мариша отложила шитьё, подошла к ней. — Эния, девочка моя, что с тобой?

И Эния рассказала.

Всё. Как Варен спросил, чего она хочет. Как она просила помощи. Как он сказал, что ему нет дела до чужих проблем. Как она ударила его. И как он ответил: «Да, всё верно».

— Он даже не пытается! — всхлипывала Эния, размазывая слёзы по щекам. — Он просто сдался! Сидит там и ждёт смерти, а нам... нам нужна его помощь, Мариша. Без него мы все погибнем.

Мариша молчала.

Она смотрела на племянницу со смесью грусти и понимания — тем особенным взглядом, каким смотрят на детей, которые никак не могут усвоить простой урок.

— Эния, — сказала она наконец тихо. — Подойди ко мне.

Эния прильнула к ней, уткнулась лицом в плечо. Мариша гладила её по голове, как в детстве, когда девочка падала и разбивала коленки.

— Все хотят от него чего-то, — заговорила Мариша негромко. — Отец. Брат. Теперь мы. Как ты думаешь, Эния, интересовался ли кто-нибудь в его жизни тем, чего хочет он сам? Что у него на душе?

Эния замерла.

— Ты видишь в нём несгибаемого воина, — продолжала Мариша. — А он, может быть, просто одинокий, испуганный мальчишка. Который потерял мать. Которого вырастила тётя, заменившая ему мать, — и он потерял и её. Женщина, которую он полюбил, предала его. Брат ненавидел всю жизнь. Отец разочарован и готов убить, если представится случай.

Эния всхлипнула.

Теперь она плакала не от своей обиды. От сострадания.

Потому что вдруг, сквозь пелену собственной боли, увидела его. Настоящего. Не врага, не воина, не пленника — просто человека. Который всю жизнь только отдавал. И которому никто никогда ничего не давал взамен.

— Он многое сделал для нас, — тихо сказала Мариша. — Бескорыстно. Спас тебя. Спрятал Лику. Не дал нам погибнуть в том аду. А мы... мы использовали его. И теперь продолжаем делать то же самое.

Эния закрыла глаза.

Слова тёти падали в душу, как капли расплавленного свинца. Больно. Честно. Правильно.

— Что же мне делать? — прошептала она. — Мариша, я не знаю, что делать.

Мариша вздохнула.

— Не знаю, девочка. Но, может быть... может быть, просто перестать чего-то от него ждать? Просто быть рядом. Без требований и даже просьб. Посмотреть, что будет.

Эния молчала долго.

Потом вытерла слёзы, отстранилась, посмотрела на тётю покрасневшими глазами.

— Дай мне успокаивающего чая, — попросила она. — Пожалуйста.

Мариша кивнула, налила из кувшина, добавила каких-то трав. Эния выпила залпом, чувствуя, как тепло разливается по телу, успокаивая дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.